

П.С. ПИЩУЛИН
(Волгоград)

АДРЕСАТНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭПИГРАММ

Рассматриваются виды эпиграмм по их адресатной направленности. Представлена классификация типовых адресатов эпиграммы; уточнены виды интенциональных направленностей данного литературного жанра, проанализированы приемы формирования пейоративной, дерогативной и мелиоративной интенций.

Ключевые слова: *эпиграмма, интенция, адресатная направленность, выразительные средства, адресат, речевая фигура.*

В последние десятилетия не только в литературоведении, но и в лингвистике активно изучаются типы адресатной направленности в рамках речевых жанров. Именно выбор жанра задает определенный читательский круг, т.к. автор, часто подсознательно, формирует образ будущей аудитории произведения через отбор выразительных средств, фигур речи, ориентированных по восприятию на ту или иную категорию читателей. В информационно перенасыщенном обществе особый интерес вызывают малые жанры, такие как эпиграмма: с одной стороны, максимально облегчающие процесс восприятия благодаря краткости и четкости выражаемой позиции, а с другой – создающие аттракцию при помощи стихотворной формы, обладающей высоким мнемоническим потенциалом, что делает подобные произведения ситуативно уместными, в латинской терминологии – *tactus* («к слову»), и легко воспроизводимыми в подходящей ситуации.

Краткая форма ставит автора в жесткие рамки идейного и событийного изложения – в одном четверостишии не только обозначить тему, проблему и авторскую позицию, но и задать адресность. В этом плане особенностью эпиграммы становится как раз последний критерий.

Практически все исследователи эпиграммы, хоть и с незначительными оговорками, склонны видеть в ней краткое юмористическое или сатирическое стихотворение, обладающее двухчастной композицией и содержащей в конце острую мысль. Как правило, в произведениях подобного рода должен присутствовать объект, подвергающийся критике или осмеянию» [1, с. 64].

Подобное определение представляется далеко не полным, т. к. при обозначении эпиграммы важно учитывать, что она базируется на субъективной аксиологической оценке адресата. Следовательно, интенциональность эпиграммы будет зависеть от ее автора и его личного отношения к объекту эпиграммы. Однако адресат эпиграммы занимает вовсе не пассивное положение, ибо автор отталкивается от его образа, созданного поступками, заявлениями, слухами и т. д. Поэтому интенция может выражаться при помощи не только пейоративных или дерогативных, но и мелиоративных по своему характеру выразительных средств. В свете вышеизложенного представляется важным разделить эпиграммы по характеру их адресата.

Первый вид адресата – обобщенно-скрытый. Он либо отсутствует в заголовке или тексте как таковой, либо выражен крайне широким, зачастую абстрактным посланием, реализуемым в виде гиперонима: «*Карьеристу-трус*» или «*Мистер Анаболик*» (курсив наш – П.П.) в эпиграмме Г. Дуброва. В последнем примере присутствует так называемая говорящая фамилия («Анаболик»), имеющая негативную, абьюзивную форму, рассчитанную на знание читателем отрицательных особенностей таких веществ как анаболики. Сочетание с иноязычной формой обращения «мистер» дополнительно подчеркивает чуждость данного явления в спорте отечественным реалиям. Подобное адресование уместно вынести в **особый подвид «по типажам»**. Например, поэт Е. Лесин предлагает эпиграмму подобного подвиды без заголовка, но с эксплицитным упоминанием адресата:

В Москве не дороги, не грязь, а каша.

Каждый каждому волхв, суккуб и инкуб.

А хваленая интеллигенция наша —

Мясо, из которого трижды сварили суп.

Помимо иронического сравнения, характеристика адресата задается во второй строке «Каждый каждому волхв, суккуб и инкуб» парафразированной аллюзией на античный афоризм «Человек человеку волк» [лат. Homo homini lupus est], впервые упомянутый в пьесе римского драматурга Тита Макция Плавта «Ослиная комедия» в III в. до н.э., причем «дефамилиаризация» (термин Д.С. Папкиной) создается игрой на фонетическом уровне – паронимическая замена «волк – волхв».

Еще один подвид обобщенно-скрытого вида адресата следует обозначить как *философско-отстраненный*. Обращение в подобных эпиграммах присутствует, но направлено на абстрактный образ «доброе моего читателя», т. к. содержание эпиграммы реализует некую философскую интенцию рассуждения или широкой оценки. У Е. Лесина находим следующий текст:

*Догадал черт родиться с душой
И талантом в России — вот жалость.
Нам казалось, что все хорошо,
Оказалось, что только казалось.*

Адресация как таковая не наблюдается, но есть косвенное отождествление автора со всеми, кто родился в России через употребление местоимения 3-го лица множественного числа «нам». Следовательно, адресант призывает потенциальных читателей разделить его мысли. Главным же интенционально пейоративным приемом в эпиграмме становится каламбур, основанный на фигуре субституциональной антанаклазы (за счет усечения приставки «о-»), которая, в свою очередь, создала фигуру паронимазии, сближению паронимичных глаголов в строчке «*Оказалось, что только казалось*».

Эффект абстрагированного философствования при отстраненном обращении наглядно представлен в произведении Д. Быкова:

*Я б рассказал тебе, как скучно быть трухой,
Но я уже немой, а ты еще глухой.*

По сравнению с эпиграммой Е. Лесина здесь есть и образ автора (через местоимение «я»), и прямое обращение (местоимение «тебе»). Но вот идентифицировать адресата не представляется возможным по причине крайней размытости тематики текста, которую автор усиливает за счет абстрактной характеристики, задаваемой особым видом антитезы, противопоставлением образных наименований на структурно-семантическом уровне – синкрисом (по определению Т.Г. Хазагрова) [4, с. 268].

Промежуточное положение между обобщенным и конкретным адресатом занимает адресат *групповой*. Это второй вид адресата эпиграммы. Как правило, в заголовке, но иногда имплицитно, указывается сравнительно небольшая группа адресатов, либо же содержится намек в виде гиперонимичного обозначения часто жаргонизированного характера.

Например, эпиграмма Г. Фрумкера четко адресована депутатам Государственной Думы.

*Депутатам Госдумы
Труд депутатов достоин почтения.
Вдумайтесь в эту простейшую фразу:
«Принят закон после третьего чтения».
Даже до Думы доходит не сразу!*

В данном тексте применяется достаточно распространенный в эпиграммах прием – грамматический перенос или эналлага [греч. enallage ‘перемена, обмен’], проявляющийся в номинации второго лица как третьего. Обращаясь к депутатам Госдумы (четко обозначенная группа лиц), Г. Фрумкер избегает форм второго лица. Причем, дополнительную сложность создает наличие риторического обращения еще и к абстрактному читателю: «*Вдумайтесь в эту простейшую фразу*». Но в конкретном случае заглавие играет решающую роль в идентификации адресата.

В эпиграмме Ю. Бондаренко групповой адресат из заголовка конкретизируется в тексте:

Комитету гражданских инициатив

Сванидзе, Кудрин и Белых,

А с ними Познер, Юргенс, Гозман ...

И для каких инициатив

Сей комитет, понятно, создан.

При перечислении фамилий членов комитета гражданских инициатив автор прибегает к градации, и если в первой строке пейоративная интенция реализуется как аргумент к сомнительному с авторской точки зрения авторитету носителей представленных имен, то во второй строке имеет вид намёка ксенофобского содержания. Во всем произведении в целом реализуется тактика поведения *despicio* [лат. 'взгляд свысока'] – снисходительного, презрительного отношения к адресату, выраженного с помощью вводного слова «понятно», которое намекает на авторскую убежденность или осведомленность в нечестности упомянутых лиц.

Жаргонизированные гиперонимы часто встречаются в заголовках политических эпиграмм, имеющих остросоциальную направленность. П. Александрович использует в качестве адресата своего произведения расплывчатое понятие «*Путерские*», отчетливо назначая текст представителям нынешнего правительственного истеблишмента.

Третий вид адресатов эпиграмм - конкретный. Автор обращается напрямую к лицу, что служит поводом для широкого круга интенций, которые дифференцируют намерения, реализуемые автором.

Первый подвид конкретного типа адресата представляется удобным обозначить термином - **конкретно-референтный** [2, с. 43]. Этот подвид адресата выявляется при ответе автора на некий словесный вывод, комментарий или характеристику в чью-то сторону, либо же содержащий обращение к объекту эпиграммы.

Ю. Лопусов отвечает эпиграммой на самохарактеристику Андрея Вознесенского: «Мои ягодички высочайшей кондиции...» пародийным продолжением описания, завершающимся весьма грубой характеристикой: «Мне дан судьбой / Зад первоклассный / И голубой».

На эпиграмму В. Гафта известный режиссер и сценарист Р. Быков написал своеобразный ответ-комментарий:

Мой добрый Гафт! Мой нервный гений!

Спаси тебя Господь от тех,

Кто провоцировал успех

Твоих незрелых сочинений.

Представленный выше текст, в первую очередь, интересен тем, что его автор избегает собственно пейоративной тактики в характеристике адресата, базируясь на фигуре харизматизма. В рамках конкретного дискурсивного случая даже характеристика «нервный гений» выглядит уравновешенным оксюмороном. Достаточно частотное описание в заголовке повода к написанию.

У поэта-сатирика Г. Фрумкера в эпиграмме поэту-песеннику И. Резнику встречаем следующее развернутое разъяснение: «Поэту-песеннику Илье Резнику в ответ на угрозу “набить мне морду” за пародию». Автор этим не ограничивается и ставит эпиграф: «...за что стихи твои любить? / Из них и песенки не сложишь... Илья Резник, из эпиграммы Г.Фрумкеру». Демонстрация таких «доказательств» также нередка для конкретно-референтного подвида адресата.

Распространенность второго, **конкретно-деятельностного подвида**, обусловлена, в первую очередь, распространенностью информации о личной жизни и эпатажных поступках известных личностей. Данному подтипу свойственна некоторая приближенность к сплетням, что часто снижает художественную ценность текстов, определяет отбор лексических средств и т.д. Личное знакомство автора эпиграммы с адресатом в редких случаях влияет на интенционный оттенок, но значительно изменяет общий настрой. Сравним два текста - И. Кулева и Ю. Лопусова. Первый автор пишет эпиграмму «Вездесущий таракан» на известного телеведущего Ивана Урганта, выступая своеобразным раздраженным

зрителем: «Среди элитных теле-кущ / Всеяден и непривередлив, / Как таракан он вездесущ / И столь же всюдунадоедлив».

Интенция хулы адресата выражается дерогативными средствами: окказионализмом «всюдунадоедлив», образованным по аналогии со словом «вездесущий» из заголовка. Это не собственно обвинение, скорее выражение презрения, отвращения.

Ю. Лопусов в эпиграмме поэту С. Наровчатову не скупится на пейоративную лексику, однако интенция текста все же мягче, сводится больше к иронической насмешке:

Поэтом был, вино лакая.

Стал трезв –

Ни строчки для веков.

Да, Муза русская такая –

Не любит трезвых мужиков.

Однако некоторое количество эпиграмм с конкретно-деятельностным адресатом даже несколько затруднительно идентифицировать как эпиграммы. Дело в том, что в их основе лежит мелиоративная интенция, то есть, положительная оценка, высказанная прямо.

В эпиграмме на К. Лаврова В. Гафт открыто восторгается талантом актера, играя на внутренней форме фамилии:

Твоя фамилия - Лавров.

Я лавры дать тебе готов,

За то, что ты живешь на сцене

И на экране как актер.

Продолжу старый разговор:

Нельзя опять остановиться,

С триумфом ждет тебя столица.

Большое количество эпиграмм содержат сомнительную с точки зрения конструктивности критику адресатов. В основном, это переход на внешность, физические качества, стиль одежды, манеру говорить и так далее. Исходя из сути, этот подвид адресата обозначен нами как **конкретно-внешностный**.

В качестве примеров данного подвида могут выступать относительно безобидные эпиграммы В. Гафта и Г. Фрумкера на Р. Быкова и К. Собчак соответственно. Оба текста ироничны, но В. Гафт дает прямую внешностную характеристику адресата: «...*Всего лишь два вершка от пола* (курсив наш – П.П.), / Но звезды достает с небес».

А вот Г. Фрумкер лишь намекает на расхожее грубое сравнение скандально известной телеведущей с животным: «...*Коль я Вам тоже по душе — / Махните дружески... хвостом* (курсив наш – П.П.)!»

Важно отметить, что адресатная направленность некоторой части эпиграмм будет диффузной – автор одновременно дает и деятельностную и внешностную характеристику или же называет типаж и конкретного представителя типажа.

Характеристика адресата автором является основой практически всех эпиграмм. Именно она влияет на избрание интенциональной стратегии, отбор языковых средств. Дифференциация адресатной направленности жанра эпиграммы на три основных вида и конкретизацию их через подвиды позволит конструктивно оценить посыл текста, не просто обозначить его как «хулу», но и увидеть тонкости, нюансы, благодаря которым становится ясным весь диапазон оценки адресата – от грубых, скабресных средств пейоративной интенции, к ироническим намекам и до возвышенных мелиоративных характеристик. Благодаря вышеизложенному переосмысливается само понимание эпиграммы, и открывается новый метод оценки выразительных средств данного жанра, с позиции особенностей того, кому адресован текст.

Литература

1. Налдеева О.И. Идеино-художественное своеобразие эпиграммы в творчестве современных поэтов Мордовии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 2(256). С. 64–68.
2. Падучева Е.В. Виноградов В.В. и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
3. Папкина Д.С. Типы литературных аллюзий // Вестник Нов-го гос. ун-та. 2003. № 25. С. 78–82.
4. Хазагеров Т.Г. Общая риторика: курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс, 1999. .



Addressee orientation of epigrams

There are regarded the types of epigrams according to orientation at the addressee. There is suggested the classification of the standard addresses of an epigram; specified the types of intentions of the literary genre, analyzed the methods of formation of pejorative, derogative and meliorative intentions.

Key words: epigram, intention, orientation at addressee, expressive means, addressee, figure of speech.